Исход. Из Родезии в Зимбабве

Здание бывшей синагоги Булавайо

Израильский флаг на фронтоне. Ученики поют «Атикву», доказывая, что еще живо еврейство да-же на другом краю Африки. В лучшей школе второго по ве-личине города Зимбабве Бу-лавайо — еврейской школе — нет ни одного ученика-еврея.

Община, когда-то состоявшая из тысяч евреев, умирает. Толь-ко маленькие африканцы с восторгом рассказывают, как они наряжаются на Пурим.

— Мы храним еврейскую традицию, — говорит дирек-тор-христианин Рикс (с кипой на голове). — Мы ее уважаем, это универсальные ценности.

Когда-то в этом городе жил будущий управляющий Банком Израиля Стенли Фи-шер, а теперь тут не всегда удается собрать миньян. Ког-да-то евреи жили богато, те-перь почти все обеднели и спасаются за счет благотво-рительности. Когда-то страна процветала, но после ликви-дации власти меньшинства большинство ее загубило.

Я прилетел за неделю до референдума по вопросу о новой конституции Зимбабве. Исход был очевиден, и Ро-берт Мугабе сохранил полно-мочия диктатора.

Стоило мне сфотографировать груп-пу солдат, как рядом остано-вилась полицейская машина, и меня пригласили «пройти». Толстый офицер в шортах наорал на меня: «Ты задержан за фотографирование солдат». Вдруг в участок влетел не-знакомый человек:

— Ты знаешь, кто я? Хил-тон Саломон!

Он — владелец крупнейше-го универсама, большой че-ловек и еврей. Полицейские позволили ему позвонить его друзьям в управлении.

***

Первые евреи появились в Булавайо в XIX столетии — они бежали от погромов в Восточной Европе. Много было выходцев из Литвы (один из них — Джо Слово — возглавлял компартию ЮАР). Во время Катастрофы сюда бежали евреи со всей Европы. Тогда это была Роде-зия, колония британской ко-роны.

Еврейская община Булавайо процветала, но тут пришел 1980 год, и от белых власть перешла к черным. Поддержи-ваемый Кубой Роберт Мугабе победил советского ставленника Джошуа Нкомо. Через некоторое время уже не надо было убеждать ев-реев репатриироваться: сре-ди белого меньшинства страны осталось 200 наших единоверцев.

Название Булавайо означает «город убийств» — основатель — вождь пле-мени ндебеле Лобенгула — убивал каждо-го, кто перечил ему. Сегодня убивает нужда. Средняя продолжительность жизни мужчин — 50 лет, жен-щин — 47.

Мой гид Саломон поддерживает крошеч-ное еврейское сообщество. Он везет нас в центр общинной жизни — дом престарелых, где ютятся двенадцать стари-ков и старух. Рут Беренштейн 93 года, но она уверяет, что только 92. Когда-то она была директором крупной экспорт-ной компании, сегодня от ее имущества осталась только маленькая собачка.

Я спрашиваю, почему ев-реи обеднели. Саломон говорит:

— Власть объявила, что белые и черные должны со-вместно владеть имуществом, — и конфисковала 51% каждо-го бизнеса, назначив черных руководителями. Заводы закрылись...

— За десять миллиардов зимбабвийских долларов я не могла купить буханку хлеба, — говорит директор до-ма престарелых, характеризуя экономиче-скую ситуацию.

В ноябре 2009 года месячная инфляция составила несколько секстилли-онов процентов (секстилли-он — единица с 21 нулем), по-сле чего Мугабе

аннулиро-вал местную валюту. До сих пор ее нет, пользуются американскими долларами. Вместе с кон-фискацией у белых бизнесов это убило экономику. Бога-тые стали бедными, средний класс — нищими. Безработи-ца — 90%. Недавно министр финансов собрал пресс-кон-ференцию и сообщил, что в государственной казне — 217 долларов США. Когда я сюда прилетел, у меня было боль-ше.

Так было не всегда. В 1950-е и 1960-е годы еврей-ская община Булавайо была одной из самых процветаю-щих в мире, с молодежными движениями, летними лаге-рями и деньгами — большими деньгами, которые жертвовали молодому Израилю. Даже 20 лет назад было неплохо.

Успехи были безоговороч-ными. В 1869 году Даниэль Киш стал секретарем того жестокого Лобенгулы, основателя города. В 1895 году со-стоялась первая еврейская свадьба. В 1900 году Генри Гиршлер стал первым еврей-ским мэром Булавайо. Ему наследовали не менее вось-ми евреев, а пять евреев бы-ли министрами.

На посвященной Булавайо английской страничке Википедии самым именитым жи-телем назван Эрик Блох, за ним — его воспитанник Стен-ли Фишер.

Возглавив Банк Израиля, Фишер стал и одним из спон-соров общины в Булавайо. Он поручил сдавать в аренду свой дом и переводить деньги на благотворитель-ность, а также обязал «Хевра кадиша» следить за могила-ми.

Вечером к нам приходит израильтянин, торговец ал-мазами Рами Хадад — один из тех евреев, которые хорошо нажились на том, что было до отказа от национальной валюты.

— Я приезжал сюда на не-делю с пятью долларами, разменивал их на мешок местных денег и жил кумом королю. Я без кон-ца покупал эти сувениры, они ничего не стоили. Я мог при-йти в ресторан с двумя чемо-данами местных долларов — скажем, пять миллиардов. Пока они их вручную счита-ли, успевал пообедать.

На следующее утро я еду на другой конец Булавайо вместе с Рут Файгенбаум. Ей 79 лет, но энергия так и брызжет. Рут создала организацию, помо-гающую больным СПИДом, и мы останавлива-емся возле одного из ее филиа-лов. Здесь готовится новый проект — «Библиотека рабби Моше», в честь быв-шего главного раввина Юж-ной Африки. Вдоль стены — книги, пожертвованные фи-лантропами, 540 сирот будут учиться грамоте и получать горячую еду. Все они — дети умерших от СПИДа, частич-но сами больны.

Мрачная статистика Зим-бабве может только запуты-вать. Например, когда гово-рят, что треть граждан боль-ны СПИДом, это означает, что есть деревни, в ко-торых больны поголовно.

Вечером в пятницу в си-нагогу «Синай» приходят ве-тераны когда-то большой об-щины. Со мной они надеются собрать миньян. На этот раз получилось. Дюжина мужчин и три женщины — пенсионеры, еще шесть израильских биз-несменов.

На вечерней молитве 15 человек, утром придут толь-ко восемь. Днем появляются старики из дома престарелых и едят с другими евреями фасоль с соленьями.

Один из лучших вра-чей Булавайо доктор Шайлд говорит четко и медленно:

— Самое важное — что мы здесь, что мы вместе и ока-зываем помощь. Тут есть все, что нужно еврею, — синагога, кошерная пища, даже «Хевра кадиша». Мы останемся в Зимбабве и будем здесь до конца.

Акива Новик, «Едиот ахронот»